

Т.Е. Сохор

ГАЛОШИ КАК МАРКЕР ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация: Завезенные в Россию в XIX в. кожаные калоши из Европы, а из Америки – резиновые (каучуковые) быстро получили распространение среди населения большой империи. Резиновые, однако, выполняли свое предназначение гораздо лучше, но стоимость их была велика и многим не доступна. Все изменилось на рубеже 1920–1930-х гг. с открытием российским химиком С.В. Лебедевым синтетического каучука, что позволило расширить промышленное производство резины для нужд молодой Советской страны и ее армии. «Повезло» и галошам: часть искусственного каучука вырабатывалась специально для производства резиновой обуви. С этого момента галоши стали продаваться не только на внутреннем рынке, но и вывозились на экспорт, став, отчасти благодаря В.В. Маяковскому, очень известным российским брендом наравне с медведем и балалайкой. Галоши, как никакая другая часть гардероба, были очень востребованы вплоть до второй половины XX в. и так или иначе отражались во многих произведениях литературы и искусства. С интенсивным развитием технологий стали быстро уходить из оборота предметы повседневности и слова, их обозначающие. Некоторые слова безнадежно устаревают, заменяются более новыми, сохраняя при этом внутреннюю суть вещи, другие становятся историзмами и обнаруживаются лишь в письменных источниках. Такая участь была предуготовлена и русским галошам, взгляд на которые вызывает улыбку и располагает к воспоминаниям. В статье рассматривается путь внедрения понятия «галоши» в российскую повседневность и в культуру в целом, фиксируются точка повышенного интереса к этому концепту и констатация его окончания, вызванная выводом предмета обуви из ежедневного обихода человека.

Ключевые слова: галоши, калоши, русская культура, «Красный треугольник», С.В. Лебедев, предметы повседневности.

Сохор Татьяна Евгеньевна – магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

В российскую повседневность галоши (устаревшее – калоши) ворвались во второй половине XIX столетия, заняв одно из важнейших мест в гардеробе гражданина или гражданки уже в следующем веке. Не являясь русским изобретением, отечественные галоши к началу XX в. завоевали весь мир. И хотя идея их создания появилась в конце XVIII в. и по разным версиям принадлежала индейцам Америки, древним галлам или даже англичанам, тем не менее, черные галоши с красной подкладкой надолго стали брендом сначала России, а позднее и Страны Советов. Однако до их появления в ходу были не только каучуковые (резиновые) галоши: активно использовались и кожаные, хотя они хуже выполняли функцию защиты обуви.

Являясь бесценной вещью гардероба, галоши сумели отразиться во многих видах искусства и литературы, в повседневной жизни, оставив свой большой «след» даже там, где его было трудно обнаружить. Например, в способе окраски яиц в преддверии Пасхи, которую в СССР неофициально праздновали почти все. В эпоху развитого социализма добытые Бог знает каким способом обрезки красной (или розовой) галошной подкладки, по словам В. Ерофеева – «кисельные внутренности» [15, с. 369, 373], шли на богоугодное дело. Поздним вечером или даже ночью, накануне главного христианского праздника, советские люди при помощи этих обрезков ткани создавали необыкновенную красоту пасхальных яиц с широким тональным спектром от нежно-розового до насыщенно малинового цвета.

Промышленный выпуск галош начался в Англии и США в первой половине XIX в.: импортные галоши уверенно завоевывали российский рынок. Такая продукция была дорога, галоши берегли, старались ремонтировать у сапожников. В 1833 г. Вл. Соллогуб выпустил небольшой рассказ под названием «История двух калош». Его сюжет традиционен для русской литературы того времени: любовный треугольник с трагическим финалом. Пресловутая пара галош фигурирует в начале и в конце рассказа, а в завязке истории сочинитель поэтически восхваляет галоши: «Я так много в жизни своей ходил пешком, я столько в жизни своей переносил калош, что невольно вселилась в душе моей какая-то особенная нежность ко всем калошам. Не говоря уже о неоспоримой их пользе, как не быть тронутым их скромностью, как не пожалеть о горькой их участи? Бедные калоши! Люди, которые исключительно им обязаны тем, что они находятся на приличной ноге в большом свете, прячут их со стыдом и неблагодарностью в уголках передней; а

там они, бедные, лежат забрызганные, затоптанные, в обществе лакеев, без всякого уважения» [25].

Стоимость галош оставалась высокой и в начале XX в., о чем проговаривает один из героев М. Горького в автобиографической эпопее «В людях» (1914): «Я не барин – калошей не ношу» [12, с. 183]. Следует отметить, что именно в произведениях М. Горького галоши отражались чаще всего: они упоминаются в романах «Мать», «Жизнь Клима Самгина», «Дело Артамоновых», «Мои университеты» и др.

Россия старалась не отставать от Англии и США в деле производства галош, и в марте 1860 г. в Санкт-Петербурге была открыта Фабрика галош и других резиновых и гуттаперчевых изделий, позднее переименованная в Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры (ТРАРМ). Основателями фабрики стали немцы и американцы. Первой продукцией завода, выпущенной в июне 1860 г., стали галоши, а к зиме того же года фабрика выпускала 1600 пар галош в день [1, с. 42]. К 1888 г. фабрика получила свой лейбл в виде треугольника, а в 1908 г. она официально стала называться «Треугольник». Вскоре ТРАРМ выпустил хит сезона – зимние галоши, утепленные знаменитой красной подкладкой, ставшие символом нескольких поколений. Всемирная паутина сохранила имя изобретателя красной галошной подкладки – это российский фабрикант Анатолий Павлович Санников, но более, как всегда, ничего. В советские годы в детском журнале «Мурзилка» появилась загадка про галоши: «Сверху черно, внутри красно, как засунешь, так прекрасно».

К началу XX в. «Треугольник» стал самым крупным производителем резиновых изделий и поставщиком двора его им-

ператорского величества. В письме сотника Алексея Михайловича Максимова, воспитателя младших детей вел. кн. К.К. Романова, находим следующую фразу: «Погода до 7 октября стояла чудная, а сегодня идет дождь, дует холодный ветер; на горах виден снег. Дети гуляют уже в галошах» [24, с. 333].

В какой-то момент галоши становились атрибутом модников. В.А. Гиляровский вспоминал, что «праздничное платье было у всех в те времена модным. Но высший шик – опойковые сапоги с высокими кожаными калошами» [11, с. 190]. Или у М. Горького в романе «Мать»: «Павел сделал все, что надо молодому парню: купил гармонику, рубашку с накрахмаленной грудью, яркий галстук, галоши, трость и стал такой же, как все подростки его лет» [13, с. 200]. Однако в определенных социальных группах галоши носить не полагалось. Так, Н.Н. Лукицкий вспоминал: «Помню, как я был сконфужен, однажды придя в первый раз в батальон в сюртуке, длинных брюках, бо-

тинках и с резиновыми новенькими калошами на ногах. Не успел я войти во двор батальона, как меня увидел поручик Заботкин и кричит: “Вестовой, вестовой! Сними с подпоручика калоши и выбрось в помойку!” А мне говорит: “Никогда не ходите в резиновых калошах. Гвардейскому офицеру это неприлично, а если вы не хотите запачкать ботинки, то для этого можно ездить на извозчике!”» [23, с. 48].

В XX в. галоши становятся весьма необходимым аксессуаром. Об этом напоминал проф. Ф.Ф. Преображенский: «Вы, господа, напрасно ходите без калош в такую погоду, во-первых, вы простудитесь, а, во-вторых, вы наследили мне на коврах, а все ковры у меня персидские» [9, с. 62]. Или А.П. Чехов сообщил, что «зиму и лето барон ходит в больших калошах, чтобы сапоги были целее и чтобы не простудить своих ревматических ног на сквозном ветру» [26].

В годы Первой мировой войны галоши выпускать прекратили, и, согласно закону рынка, они резко поднялись в цене. Этот факт также отразился в «Собачем сердце»: у профессора Филиппа Филипповича из парадного разом исчезли все галоши. Иногда, правда, их возвращали... Объявления о потере или находке одной галоши регулярно печатались в газетах в разделе «Объявления»: «Утеряна 23 октября вечером по улице Герцена к дому Революции почти новая дамская ГАЛОША, нашедшего убедительно просят доставить ул. Герцена 25, кв. 8 или сообщить свой адрес». Кроме того, галоши ремонтировали, так же как и обувь: «На улице мало... мелких людей, которые ... лудили самовары, заливали резиновые галоши, чинили велосипеды и вообще добывали кусок хлеба грошовым трудом» [14, с. 45].

После Великой Октябрьской социалистической революции в связи с экономической блокадой молодой республики фабрика остановилась совсем. Лишь к 1921 г. она возобновила свою работу, получив новое название – «Красный треугольник» и «подкрепление» из Москвы в виде столичной фабрики «Большевик» (быв. «Богатырь»). Эта новая страница истории была отмечена на сохранившейся фотографии 1921 г., где огромная галоша (вероятно, трехсотого размера) была закреплена на дви-

жущемся механизме и совместно с сотрудниками фабрики участвовала в первомайской демонстрации.

Галоши вошли в быт теперь уже советских граждан, зна-

менитых и не очень. Галошам посвящались стихи, рисовались плакаты, писались рассказы и сочинялись анекдоты... и даже выпускалась продукция, имитирующая галоши. Так, в комнате архивариуса Варфоломея Коробейникова на столе красовалась «пепельница, сделанная на манер калоши, с красной надписью “Треугольник”» [18, с. 69].

Безусловно, самый большой вклад в советское «галошное искусство» внес В.В. Маяковский. В середине октября 1923 г. он по заказу Резинотреста пишет 12 текстов и одновременно вместе с А.С. Родченко создает знаменитые плакаты, рекламирующие продукцию этого хозяйственного государственного объединения. Четыре из них («Галоши», текст 1, «Мячики», «Соски», «Игрушки») он отбирает для экспонирования на Парижской всемирной художественно-промышленной выставке 1925 г., где они окажут свое воздействие на решение жюри, присудившего Маяковскому серебряную медаль.

Резинотрест –
защитник в дождь и слякоть.
Без галош
Европе –
сидеть и плакать [21, с. 227].

Работа Маяковского в области рекламы была столь удачна и так нравилась ему самому, что галоши становятся излюбленным и даже обязательным персонажем его поэтических опытов («Что такое хорошо», «Нате!», «Не юбилейте!» и др.). Очень яркий образ галош Маяковский создал в «Рассказе про Клима из черноземных мест», используя не только рифмы, но и яркие метафоры:

Клим смекает:

– Путь далек.

Я – шагать не лошадь. –

И немедленно

извлек

из тюка

галоши.

– Без галош тяжело ж! –

И пошел довольный

в паре новеньких галош

с маркой треугольной.

Каплет с носа,

каплет с уха,

а в галошах

всюду сухо.

Каплет с уха,

каплет с носа,

а галошам

нет износа [22, с. 321–322].

...

И добавил Клим, ярьась:

– Мы других не плоше.

Через всяческую грязь

проведут галоши.

Если ж враг захочет съестъ
нас и нашу ношу,
как бы тем врагам не сестъ
в эту же галошу! – [22, с. 337]

Здесь Маяковский вводит в свои стихи фразеологический оборот «сестъ в галошу», что означает «попасть впросак», бывший в те годы весьма популярным выражением. Однако возникает вопрос, как за небольшой срок времени галоши умудрились войти в народную поговорку. По поводу времени и места появления выражения имеется несколько филологических исследований. Все они утверждают, что произошло фонетическое слияние двух похожих слов – «калоша» и «калужа» (устар. «лужа»), а выражение «сестъ в калужу» относится к последствиям кулачных боев, проводимых обычно в конце зимы – начале весны, в Масленицу. Ю.Б. Камчатнова усомнилась в позорно-смешном типе объяснения фразеологизма, предложив свою версию-догадку выражения «сестъ в лужу» – «прилюдно запачкать зад» [3, с. 144–145], что вызывает комическую ситуацию. Произшедшее ранее фонетическое слияние позволяет придать выражению «сестъ в калошу» форму синонима «сестъ в лужу». Кроме того, Камчатнова замечает, что рассматриваемый ею оборот «сестъ в лужу» появился накануне 1905 г., но окончательно был принят обществом после 1917 г. Затем, когда в речевой практике России последовал упадок и в печати появилось множество просторечных выражений, свойственных той эпохе, это окончательно укрепило идиому с галошами в русском языке.

Во второй половине 1920-х гг. в Советской России были активизированы исследования в области химической переработки нефти. В Ленинградском университете под руководством С.В. Лебедева была открыта лаборатория по переработке нефти для создания синтетического каучука. Исследования достигли успеха, и в 1930 г. начинается строительство опытного завода и лаборатории для получения каучука (ныне НИИ синтетического каучука им С.В. Лебедева), где вскоре были изготовлены покрышки для шин [4]. Это дало сильный толчок для развития галошной продукции, и таким образом Лебедев стал «крестным отцом» отечественных галош, невольно приняв участие в создании знаменитого российского бренда.

В 1930-е гг. галоши – большая статья экспорта, наравне с черной икрой. Они стали так популярны, что литераторы не в состоянии были пройти мимо. Правда, почему-то отражалась

неистовая популярность галош чаще в произведениях для детей – вероятно, потому, что детская обувь была более востребованной (чаще терялась, становилась мала).

А потом позвонил
Крокодил
И со слезами просил:
– Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши,
И мне, и жене, и Тотоше.
– Постой, не тебе ли
На прошлой неделе
Я выслал две пары
Отличных калош?
– Ах, те, что ты выслал
На прошлой неделе,
Мы давно уже съели,
И ждем, не дождемся,
Когда же ты снова пришьешь
К нашему ужину
Дюжину
Новых и сладких калош! [27, с. 108]

Не остался в стороне от «модной» галошной темы и О.Э. Мандельштам:

Для резиновой калоши
Настоящая беда,
Если день – сухой, хороший,
Если высохла вода.
Ей всего на свете хуже
В чистой комнате стоять:
То ли дело шлепать в луже,
Через улицу шагать! [19, с. 254]

В 1925 г. писатель Лев Зилов и художник Константин Ротов написали и выпустили книжку для детей «У Леши калоши» о том, как организовано производство галош:

И вот они готовы.
Скрипят, блестят, и снова
У маленького Леши
Чудесные галоши.
В них можно по дорожкам
Бежать веселым ножкам [16, с. 15].

Трудно не вспомнить и Михаила Зощенко с его знаменитой серией рассказов о Лёле и Миньке («Галоши и мороженое»), написанной в 1930-е годы [17, с. 23–31].

В довоенной деревне галоши – эстетическое дополнение к одежде. Парни щеголяли в пиджаках и галошах даже в сухую летнюю погоду. Девчата на посиделках пели:

Все пришли, на лавки сели
при галошах, при часах –
моё топало притопало
в рабочих сапогах!

или так:

Не форси, милой, в калошах,
Ты в калошах не один:
Хоть я девушка-селянка,
Но и ты не господин!

В послевоенные 1950-е гг. галоши, перестав быть модным деревенским атрибутом, стали обычной необходимостью, спасавшей от промокания ног и способствующей сохранению обуви. В фильме «Свадьба с приданым» (1950) бригадир колхоза Николай Курочкин, заходя в дом, снимает галоши с сапог и оставляет их в сенях. Среди крестьян галоши были очень востребованы; как сообщает Ю.К. Бобрышева, они являлись ценным подарком, ими премировали лучших пионеров в 1945 г. [2, с. 30–33].

Но не только для юношей и пионеров были важны галоши. Е.А. Чайко отмечает, что в праздничные дни все девушки Южного Урала носили «теплые шерстяные носки всевозможных цветов (белые, черные, коричневые, бардовые) и галоши», а за неимением последних «выходные лапти красили кузбасслаком для имитации внешнего вида галош». Как видим, галоши являлись показателем достатка семьи, что отразилось в частушке:

Мама, дождь,
Не пойду без калош.
Хоть корову продавай,
А калоши добывай [8, с. 419].

В 1960–1970-е гг. галошная тематика в частушках отразила очередное изменение моды на галоши:

Завезли в сельпо галоши,
С Треугольника, похоже.
Треугольник Красный, ух,
Он обует всех старух.

Отражались галоши в разные эпохи и в российском анекдоте. Так, например, в 1909 г. история о дуэли Н. Гумилева и М. Волошина не обошлась без истории о галошах. По дороге к

месту дуэли Волошин потерял галошу в снегу и категорически отказывался стреляться без нее. Секунданты галошу нашли, и дуэль состоялась [5]. К счастью, никто не пострадал, а Саша Черный после этой истории окрестил Волошина Ваксом Калошиным [6, с. 67]. Позднее, в 1930-е гг., когда с промтоварами было неважно, конференсье А. Гринь после шуточного танца, исполнявшегося в галошах, доверительно сообщал публике о том, что танец этот несложный: «Самое сложное в нем – суметь достать галоши».

Устойчивость галош в жанре анекдота определяется введением их в область пользования самых знаменитых персонажей, например Вовочки: «Вовочка надевает на ботинки галоши. Мама говорит ему: “Вовочка, на улице сухо – грязи нет”. “А я найду”». Были и другие анекдоты...

Модный взлет в XX в. галоши пережили еще раз в шестидесятые годы в связи с повальным приобретением населением дачных (огородных) участков за городом: тогда запустили в производство непривычные галоши на каблуках, были представлены и чуни (резиновые формы без подкладки), и резиновые чехлы с ремешком, но без задника.

Но изменить вектор падения спроса было уже невозможно: символ эпохи уходил в прошлое, стараясь закрепиться там, где это еще получалось. Так, например, офицер-подводник Северного флота вспоминал, что их уставная обувь до середины 1960-х г. была на очень тонкой подошве и потому «офицерам вне строя

разрешалось носить галоши фабрики “Красный треугольник”, отличающиеся ядовитой внутренней подкладкой» [20, с. 105].

От прошлого взлета популярности галош потомкам в наследство осталась песня в исполнении Гелены Великановой «Купила мама Леше» (стихи Зои Петровой, музыка Аркадия Островского) и несколько сказок и повестей для детей: книжка-сказка Михаила Пляцковского «Галоша» (1965) с рисунками Виктора Пивоварова о том, как сообразительная белка из старой рваной галоши сделала купальню для маленьких зверюшек; сказочная повесть Марка Сергеева «Волшебная галоша» (1965), которая позволяет стать невидимым; «Калоша волшебника, или Занимательное пособие по правилам поведения» Тамары Крюковой (1998).

Лишь необычной весной, после непривычно аномально-снежной зимы 2009–2010 гг., когда в Петербурге растаял снег практически за пару дней, магазины резиновой обуви испытали свой звездный час: огромные очереди за резиновой обувью стояли в городе около недели.

Влияние галош на жизнь и культуру в России оказалось настолько велико, что постоянно обнаруживается в произведениях искусства на имперской, советской и постсоветской территориях. В автобиографическом романе французского писателя Ромена Гари «Обещание на рассвете» [10, с. 37] мальчик, влюбленный в соседскую девочку, был готов съесть галошу, чтобы доказать ей свои чувства. В 2007 г. в г. Вильнюсе (территория которого ранее входила в Российскую империю и СССР) был поставлен памятник Р. Гари, жившему здесь в 1914 г. Юный возлюбленный, закинув голову, ищет глазами на верхних этажах дома свою подружку, а в руках держит злополучную галошу. Таким образом, вольно или невольно, скульптор Ромас Квинтас увековечил российский бренд.

Асфальтированные городские магистрали уничтожили необходимость в галошах, да и успешное развитие легкой промышленности откинуло такую обувь, как валенки с галошами, далеко на периферию. Советско-русские галоши, выйдя из моды в городах России, уехали завоевывать зарубежные страны, превращаясь в элегантные насадки на обувь ярких расцветок.

Появившись в России в середине XIX в., галоши прошли сложный путь своего развития, немного не дожив до 150-летия своего производственного гиганта. Поначалу они являлись необходимым и несколько интимным предметом гардероба, и отношение к ним в обществе носило негативный налет. К концу XIX в. галоши приобрели лоск, обновились модельные ряды, и галоши стали вести себя уже как городские щеголи. В отдельные годы и в некоторых географических районах галоши становились излюбленной, необходимой или единственной обувью. Отношение к ним варьировалось: то они становились предметом вожделения, то расходным материалом, то предметом моды и т.д., пока окончательно не были вытеснены с рынка нынешним обувным изобилием. Сегодня еще можно обнаружить советские галоши в хранилищах старших родственников, даже иногда увидеть рыбаков или детей, обутом в валенки с галошами, и это вызывает улыбку у знающих людей. Причем у каждого из них где-то в глубине памяти ютится своя галошная история, которую они готовы рассказать по первому зову. Согласно утверждению С.М. Фроловой, предметы способны к сохранению информации о себе, и на ее основе «следующее поколение создает другие материальные атрибуты своего бытия, определяя тем самым свое присутствие во времени и пространстве» [7, с. 105].

Галошная ностальгия явилась одной из причин существования в 1996–2015 гг. антипремии «Серебряная калоша», вручаемой в России «за самые сомнительные достижения» в области теле- и шоу-бизнеса. Главный приз этой премии – блестящая серебряная галоша с «кисельными внутренностями».

Литература

Исследования

1. *Агаянц И.М.* Товарищество российско-американской резиновой мануфактуры // Промышленное производство и использование эластомеров. 2011. № 1. С. 42–48.
2. *Бобрышева Ю.К.* «Премировать ордером на галоши...»: комсомол и перестройка пионерской работы в 1945 году // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12(86). Ч. 5. С. 30–33.
3. *Камчатнова Ю.Б.* О семантико-стилистическом своеобразии выражения «сесть в лужу» в русском языке // Slověne. 2012. № 2. С. 143–150.
4. Лебедев Сергей Васильевич. 1874–1934 // Вестник химической промышленности. 19.09.2017. URL: <http://vestkhimprom.ru/posts/lebedev-sergej-vasilevich-1874-1934-gg>.
5. *Окунев Д.* «Я приехал драться»: как прошла дуэль Гумилева с Володиным // Газета.ru. 5.12.2019. URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/12/04_a_12848312.shtml.
6. *Федотова К.С.* Онимная лексика в языке писателя: поэтонимографический аспект (на материале творчества Н.С. Гумилева). Дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2018.
7. *Фролова С.М.* Вещь в пространстве повседневного бытия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 1(28). С. 102–108.
8. *Чайко Е.А.* Девичий костюм в частушках (по материалам Южного Урала) // Мир историка и пространство истории: сборник статей к юбилею профессора Н.Н. Алеврас / Под ред. Н.В. Гришиной, Т.А. Андреевой. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 410–421.

Источники

9. *Булгаков М.А.* Собачье сердце // Булгаков М.А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М.: Голос, 1995. С. 46–137.
10. *Гари Р.* Обещание на рассвете; Леди Л. М.: Пресса, 1996.
11. *Гиляровский А.А.* Москва и москвичи. Минск: Народная газета, 1981.
12. *Горький М.* Детство. В людях. Мои университеты. М.: Художественная литература, 1975.
13. *Горький М.* Мать // Горький М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 7. М.: художественная литература, 1950. С. 193–516.
14. *Горький М.* Жизнь Клим Самгина. Ч. 3 // Горький М. Собр. соч.: В 16 т. Т. 13. М.: Правда, 1979.

15. *Ерофеев В.* Галоши // Ерофеев В.В. Страшный суд: роман. Рассказы. Маленькие эссе. М.; Тверь: Союз фотохудожников России, 1996. С. 365–373.
16. *Зилов Л.* У Леши калоши. М.; Л.: Госиздат, 1925.
17. *Зоценко М.* Галоши и мороженое // Заколдованная буква: юмористические рассказы. М.: детская литература, 2010. С. 24–31.
18. *Ильф И., Петров Е.* Двенадцать стульев. М.: Изд-во «Э», 2017.
19. *Мандельштам О.Э.* Музыка твоих шагов... М.: ОЛИМА Медиа Групп, 2012.
20. *Мацкевич В.В.* Флотские байки. Николаев: ЧП Торубара Е.С., 2008.
21. *Маяковский В.В.* Резинтрест // Маяковский В.В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1957. С. 227.
22. *Маяковский В.В.* Рассказ про Клима из черноземных мест // Маяковский В.В. Собр. соч.: В 13 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1957. С. 315–337.
23. *Перекрестки судеб: Воспоминания Лукницких.* СПб.: Альянс-Архео, 2014.
24. *Письмо А. Максимова из Ливадии К.К. Романову в Петербург, 7.10.1904 г.* // Князь императорской крови Олег Константинович (1892–1914): Биография и документы / Сост. Т.А. Лобашкова. М.: ООО «Буки Веди», 2014.
25. *Соллогуб В.А.* История двух галош. URL: http://az.lib.ru/s/sollogub_w_a/text_0020.shtml.
26. *Чехов А.П.* Барон. URL: https://rusneb.ru/catalog/010000_000060_ART-68f588ff-f514-4020-87b0-42783e98a885.
27. *Чуковский К.И.* Телефон // Чуковский К.И. Весь Айболит. М.: АРС, 2015. С. 105–127.

Tatyana E. Sokhor

Galosh as a marker of everyday culture in Russia

Abstract: Leather galoshes brought to Russia in the 19th century from Europe and rubber galoshes from the USA quickly spread among the population of a large empire. Rubber galoshes, however, were much better, but their cost was too high for many people. Everything changed at the turn of the 1920s – 1930s after the Russian chemist S.V. Lebedev invented synthetic rubber, which made it possible to expand the industrial production of rubber for the needs of the young Soviet country and its army. Galoshes too began to be made of synthetic rubber. From that moment on, galoshes were sold everywhere and even exported, becoming, partly thanks to the verses of V.V. Mayakovsky, a very famous Russian brand on a par with the bear and balalaika. Galoshes were in great demand until the second half of

the 20th century and one way or another reflected in many works of literature and art. With the intensive development of technology, everyday objects and words denoting them began to quickly go out of circulation. Some words became outdated, were replaced by new ones, others became historicisms which could be found only in written sources. Such a fate was also prepared for Russian galoshes, the look at which brings a smile and disposes to memories. The article examines “galoshes” as an element of Russian everyday life and culture in general, analyzes the reasons for the increase and decrease of interest in this concept.

Keywords: galoshes, Russian culture, “Red Triangle”, S.V. Lebedev, everyday objects.

References

1. Agayants, I.M. (2011), *Tovarishchestvo rossiysko-amerikanskoj rezi-novoy manufakturny* [Partnership of the Russian-American rubber manufactory], in: *Promyshlennoe proizvodstvo i ispol'zovanie elastomerov* [Industrial production and use of elastomers], no 1, pp. 42–48.
2. Bobrysheva, Yu.K. (2017), “Premirovat' orderom na galoshi...”: kom-somol i perestroyka pionerskoj raboty v 1945 godu [“To award an order for galoshes...”: the Komsomol and the restructuring of pioneer work in 1945], in: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice], no 12(86), ch. 5, pp. 30–33.
3. Kamchatnova, Yu.B. (2012), O semantiko-stilisticheskom svoebrazii vyrazheniya “sest' v luzhu” v russkom yazyke [On the semantic and stylistic originality of the expression “to sit in a puddle” in the Russian language], in: *Slověne*, no 2, pp. 143–150.
4. (2017), Lebedev Sergey Vasilievich. 1874–1934, in: *Vestnik khimicheskoy promyshlennosti* [Bulletin of the chemical industry], September 19, URL: <http://vestkhimprom.ru/posts/lebedev-sergej-vasilevich-1874-1934-gg>.
5. Okunev, D. (2019), “Ya priekhal drat'sya”: kak proshla duel' Gumileva s Voloshinyim [“I came to fight”: on the duel between Gumilyov and Voloshin], in: *Gazeta.ru*, URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/12/04_a_12848312.shtml.
6. Fedotova, K.S. (2018), *Oneymic vocabulary in the language of the writer: the poetonymographic aspect (based on the works of N.S. Gumilyov)*, Ph.D. Thesis in philology, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia.
7. Frolova, S.M. (2014), Veshch v prostranstve povsednevnogo bytiya [A thing in the space of everyday life], in: *Izvestiya vysshikh uchebnykh za-*

- vedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. The humanities], no. 1(28), pp. 102–108.
8. Chayko, E.A. (2018), *Devichiy kostyum v chastushkakh (po materialam Yuzhnogo Urala)* [Girlish costume in ditties (based on materials from the South Urals)], in: Grishina, N.V., and Andreeva, T.A. (eds.), *Mir istorika i prostranstvo istorii: sbornik statey k yubileyu professora N.N. Alevras* [The world of the historian and the space of history: a collection of articles for the jubilee of Professor N.N. Alevras], Entsiklopediya, Chelyabinsk, pp. 410–421.

Sokhor Tatyana Evgenievna – Master’s student, Institute of Philosophy, St. Petersburg State University.